

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Кафедра русской и зарубежной литературы
Доцент, кандидат филологических наук**National Research Saratov State University, Saratov, Russia
Department of Russian and Foreign Literature
PhD in Philology, Associate Professor
pavlovasy@info.sgu.ru*АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В МЕМУАРАХ МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ МОНПАНСЬЕ И
КАРДИНАЛА ДЕ РЕЦА

В статье с опорой на современные исследования о природе автобиографической памяти рассматриваются ее особенности, функции и структура в мемуарах Мадемуазель де Монпансье (1627 – 1693) и кардинала де Рец (1613 – 1679). Во второй половине XVII века на фоне официальных историографических сочинений специфика жанра определялась уникальностью зафиксированных в мемуарах свидетельств о прошлом и наличием авторской позиции, что ярко проявилось в избранных для анализа произведениях. Использование ресурсов памяти в процессе мемуаротворчества повлияло на самосознание авторов и оказалось тесно связано с поиском смысла прожитой жизни. Мадемуазель де Монпансье воспоминание помогло сохранить собственную идентичность, а кардиналу де Рецу творчески преобразить прошлое, проявив незаурядный талант писателя. Автобиографическая память позволила мемуаристам запечатлеть во многом уникальные моменты истории, а также соединить в повествовании о своей жизни сугубо индивидуальные и характерные для эпохи особенности мировосприятия. Они показывают, что специфика автобиографизма в мемуарах избранных для анализа авторов определялась не только перипетиями их судьбы, но историческим контекстом, принадлежностью к аристократическому сословию, влиянием галантно-героической культуры.

Ключевые слова: автобиографическая память, мемуары, французская литература XVII века, Мадемуазель де Монпансье, кардинал де Рец.

AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY IN
MEMOIRS OF MADEMOISELLE DE
MONTPENSIER AND CARDINAL DE RETZ

Following the current scientific interest in autobiographical memory, the paper looks into its structures and functions in the memoirs of Mademoiselle de Montpensier (1627 – 1693) and Cardinal de Retz (1613 – 1679). In the late XVII century the genre of memoirs came to be differentiated from historiography by depicting the past from the standpoint of the witness participant; by explicit presence of the author's point of view. The authors' reliance on memory while writing their memoirs is shown as a factor of their self-awareness, of the effort to inscribe the meaning of their lives. Remembering the past helped Mademoiselle de Montpensier to keep her identity, while Cardinal de Retz creatively transformed his past, revealing in the process his potential as a man of letters. The memoirists' autobiographical memory is the source of their portrayal of unique historical moments, it also grounds the picture of their respective outlooks. However, the nature of autobiographism in the texts under consideration is defined as much by the course of individual life as by general historical context, by memoirists' aristocratic rank, by the influence of the gallant-heroic culture.

Key words: autobiographical memory, memoirs, XVIIIth century French Literature, Mademoiselle de Montpensier, Cardinal de Retz.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

«Вспоминать что-либо означает одновременно вспоминать самого себя»¹, – эта формула Поля Рикёра, на наш взгляд, дает ключ к пониманию специфики автобиографической памяти в жанре мемуаров и позволяет уточнить его природу. Мемуаротворчество предполагает опору на воспоминания, в той или иной степени имеющие отношение к жизни автора. Отличительной особенностью жанра в ряду других автобиографических является более выраженная погруженность индивидуальных воспоминаний в исторический контекст. На его зависимость от коллективного прошлого указывают все современные исследователи, находя в соответствующих произведениях «закрепление жизненного опыта человека, достоверный (исключающий вымысел) рассказ о своей эпохе, ее наиболее памятных эпизодах, о ее людях»². Рассматривая мемуары как феномен культуры, А.Г. Тартаковский подчеркивает их сопряженность не только с судьбой индивида, но и с обликом эпохи: «<...> мемуаристика суть овеществленная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а следовательно, и к своему бытию вообще»³.

История развития жанра показывает его генетическую связь с историческими сочинениями⁴ и объясняет изначальную ориентацию мемуаристов

на внешнюю событийность. Жанр интенсивно формировался во Франции во второй половине XVII века, когда «историческое знание полагалось «абсолютным», а история прошлого – однозначной»⁵. Однако мемуары с присущим им субъективизмом демонстрировали новое, получившее распространение уже в следующем столетии представление о том, что в ретроспективе прошлое может быть интерпретировано по-разному. Хотя мемуаристы фиксируют исторические факты, важно подчеркнуть, что отбор, структурирование и оценка материала всякий раз зависят от индивидуальности автора, выявляя его интенции, позицию, ценностные ориентиры. В этом смысле автобиографическое начало присутствует во всех произведениях жанра: от хроникально-исторических⁶ до мемуаров с автобиографической доминантой⁷.

Индивидуальностью автора определяются и свойства его памяти, а также сама способность вспоминать, то есть выстраивать прошлое в форме повествования. Согласно М. Хальбваксу, человеку присущи два взаимосвязанных типа памяти: «С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни <...> С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу»⁸. В мемуарах ярко проявляются оба типа памяти, позволяя запечатлеть не только коллективный, но и

¹ Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 9.

² Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003. С. 236.

³ Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. № 1. 1999. С. 35.

⁴ См. об этом подробнее: Bertièrre A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 9-46; Fumaroli M. Les mémoires du 17 siècle au carrefour des genres en prose // La diplomatie de l'esprit. De Montaigne à La Fontaine. P.: Seuil, 1994. P. 183–215. На русском языке см.: Павлова С.Ю. Статус мемуаров во французской литературе XVII века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 31–36.

⁵ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 92.

⁶ Забавурова Н.В. Французский психологический роман. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. С. 35; Demoris R. Le roman à la première personne: Du classicisme aux Lumières. P.: Armand Colin, 1975. P. 58.

⁷ Bertièrre A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 11; Dictionnaire universel des littératures. Paris: Presses Universitaires de France. En 3 vol. 1994. Vol. 2. P. 2316.

⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

индивидуальный опыт. Их соотношение в немалой степени определяет специфику автобиографизма, а единство составляет основу автобиографической памяти. В.В. Нуркова справедливо утверждает, что создание любой автобиографии идет по двум встречным направлениям: «Первый путь – это присвоение одного из бытующих представлений о том, что есть судьба человека и какие события ее составляют. Их источником может быть религия, философия, искусство или просто обыденные стереотипы <...> Но одновременно он [человек – С.П.] строит себя и другим путем: активно отбирая факты, творит индивидуальную идею уникальной, «своей» судьбы»⁹. Выводы исследовательницы перекликаются с рассуждениями М. Хальбвакса, подтверждая двусложную основу автобиографической памяти и соответствующие формы ее нарративной реализации.

Повествование в мемуарах на уровне отбора материала во многом определяется событиями, значимыми для того времени и социума, к которым принадлежал автор, поскольку каждая культура, как писал Ю.М. Лотман, «определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению»¹⁰. Следы характерной для конкретной культуры общей памяти проявляются также на уровне организации повествования: в приемах сюжетосложения, аллюзиях, стиле. Вместе с тем, мемуары отражают индивидуальное восприятие пережитого. Уже сам отбор фактов обусловлен не только отмеченными выше объективными реалиями, но и субъективными намерениями автора, которые в ходе развертывания повествования нередко приводят к искажениям или умолчаниям. Еще большее значение имеет интерпретация изображаемого и сочетание разного типа событий, почерпнутых из памяти автора. В.В. Нуркова под-

разделяет их на яркие, важные, переломные и характерные в зависимости от того значения, которое они имеют для истории жизни в целом¹¹. Их неповторимость, обусловленная особенностями индивидуальной судьбы, делает автобиографическое повествование уникальными, а в сочетании с оригинальным видением и изображением мира придает ему художественные качества. Как точно отметила Л.Я. Гинзбург, «в понимании людей XVII века мемуары – это история; но практически жанр этот нес на себе и литературные задачи»¹².

Исследователи сходятся на том, что мемуары представляют собой творческую реконструкцию пережитого¹³. Память, по словам Д. Данина, «не повторяет прожитое, а конструирует его по воле твоего нынешнего понимания устройства жизни»¹⁴. Временная дистанция создает разрыв между авторским восприятием изображаемого в прошлом и настоящем. Под влиянием последнего запечатленные в памяти события трансформируются в сознании мемуариста, а следовательно, и в повествовании. Это порождает дискуссионную в теории автобиографической литературы проблему правды. «Под ней может подразумеваться искренность, субъективная правда, историческая правда и правда вымысла»¹⁵. Для Ж. Гюсдорфа, а вслед за ним и других специалистов по мемуарно-автобиографической литературе, фактическая до-

⁹ Нуркова В.В. Сверхценное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 11.

¹⁰ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 201.

¹¹ См.: Нуркова В.В. Сверхценное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 110–134.

¹² Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. С. 9.

¹³ См. подробнее: Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiographie // Formen der Selbstdarstellung. Berlin: Duncker and Humblot, 1956. P. 119; Miraux J.-Ph. L'autobiographie. Ecriture de soi et sincérité. Paris: Nathan, 1996. P. 11; Bruner J. The Autobiographical Process // The Culture of Autobiography. Construction of Self-Representation. Stanford, California: Stanford University Press, 1993. P. 40.

¹⁴ «Круглый стол»: Мемуары на сломе эпох // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 20.

¹⁵ Denzin N. K. Interpretive Biography // Qualitative Research Methods Series, V. 17. Newbury Park-L-New Delhi, 1989. P. 23.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

стоверность оказывается вторичной, «подчиненной правде личности, поскольку здесь прежде всего человек подлежит обсуждению»¹⁶. Категория правды оказывается в прямой зависимости от авторской концепции собственной жизни. Мемуарист не просто воспроизводит прошлое, а, используя ресурсы памяти, стремится создать целостный, определенный и связанный с настоящим образ. Исследователи единодушны в том, что автобиографии и мемуары с автобиографической доминантой воспроизводят события, призванные подтвердить взгляд автора «на самого себя и выявить главную «идею» его жизни»¹⁷, отражают желание «постичь всю полноту собственной личности посредством повторного синтеза своего “я”»¹⁸ и направлены на «воссоздание единства жизни во времени»¹⁹.

Концептуальный характер мемуаротворчества приводит к совмещению разных временных пластов в повествовании: он актуализирует настоящее и позволяет творчески использовать прошлое. Как показала В.В. Нуркова, память выполняет разные функции в процессе создания человеком собственной биографии. Они могут быть связаны с намерением поддержать социальные связи и передать свой опыт, выработать жизненные стратегии и «я-концепцию», наконец, посредством самоанализа способствовать самопознанию и финальной интеграции личности. «Автобиографическая память, – пишет исследовательница, – вырастает вместе с личностью и приобретает все большее значение с течением жизни. Функциональный акцент памяти о прожитом переносится с прагматических, организующих социальную жизнь задач, на экзистенци-

альные, достигая своего пика в последние годы жизни человека»²⁰. В мемуарах проявляют себя все означенные функции автобиографической памяти, но важно отметить, что сама идея описания своей судьбы тесно связана с постижением смысла прожитой жизни, то есть имеет экзистенциальное значение.

Рассмотрим особенности автобиографической памяти на примере двух знаменитых произведений, созданных в период подлинного расцвета жанра во Франции во второй половине XVII века: «Мемуаров» Мадемуазель де Монпансье (1627-1693) и кардинала де Реца (1613-1679). Оба сочинения были впервые опубликованы в 1717 году. Их отличает ярко выраженное автобиографическое начало, проявляющееся в формах, приемлемых для того исторического периода, когда категория личности в современном смысле слова еще не сформировалась. Мадемуазель делает себя центром повествования, касаясь событий политической и придворной жизни лишь в той мере, в какой они были связаны с перипетиями ее судьбы. Автобиографическое начало в мемуарах герцогини де Монпансье связано, главным образом, с объектом изображения. Кардинал также описывает свою жизнь²¹, но значительно подробнее воссоздает исторический фон и объясняет мотивировки поступков других людей. У де Реца автобиографизм проявляется прежде всего на уровне организации повествования. Он ставит во главу угла не фиксацию, а интерпретацию изображаемого, выступая при этом глубоким аналитиком, тонким психологом, мастером композиции и стиля.

Основания для сопоставления избранных произведений предопределяются и биографией мемуаристов. Они были знамениты среди современников и принадлежали к влиятельным кругам

¹⁶ Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiographie // Formen der Selbstdarstellung. Berlin: Duncker and Humblot, 1956. P. 118.

¹⁷ Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1988. С. 243.

¹⁸ Lejeune Ph. L'autobiographie en France. Paris: Armand Colin, 1998. P. 13.

¹⁹ Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiographie // Formen der Selbstdarstellung. Berlin: Duncker and Humblot, 1956. P. 113.

²⁰ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 219. О функциях памяти см.: С. 64–74.

²¹ На это, в частности, указывает авторское название мемуаров – «Жизнь кардинала де Реца» («Vie du Cardinal de Rais»).

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

французской аристократии. Мадемуазель де Монпансье приходилась кузиной королю Людовику XIV, а кардинал де Рец занимал пост коадьютора Парижа. В период гражданской войны середины XVII века, получившей название Фронды, и процесса крови, и священнослужитель находились в сложных отношениях с королевским двором и выступали на стороне противников Мазарини. Однако временной охват повествования в мемуарах Мадемуазель почти на двадцать лет больше, чем у де Реца (приблизительно шесть десятилетий против сорока с небольшим), а продолжительность работы над рукописью при примерно сопоставимом конечном объеме (порядка тысячи страниц) существенно отличается (около сорока лет против полутора-двух соответственно). Отмеченные сходства и различия имеют важное значение для анализа проблемы автобиографической памяти.

Воссоздавая прошлое, оба автора четко дистанцируются от придворных историков, что является характерным проявлением аристократической ментальности, чуждой профессионального педантизма и кабинетной учености. Труды историографов, основанные на сборе и воспроизведении письменных источников, мемуаристы-аристократы считали вторичными, неполными и тенденциозными. Две последних характеристики объяснялись ориентацией исторических сочинений XVII века на прославление королевской династии, зачастую в ущерб учету значимости деяний представителей знатных родов. Жанр мемуаров оформился как попытка дополнить официальную историю и оставить след о том, что могло быть предано забвению. Мемуаристы противопоставляли себя историкам, делая ставку на уникальность своих свидетельств, которая обеспечивалась их непосредственным участием в изображаемых событиях.

Мадемуазель и де Рец позиционируют себя именно в качестве вершителей и очевидцев великих дел. Эту ценность взгляда «изнутри» истории они подчеркивают неоднократно и рассказывают о том, какую роль сыграли в ней. Герцогиня де Монпансье, будучи членом королевской семьи, отдает

должное большой истории, но все же проводит четкую грань между нею и своими мемуарами. Она сознательно опускает все то, что непременно попадет в исторические труды, например, перечень военных побед герцога Энгиенского зимой 1643 года, «о которых истории скажут достаточно, чтобы его обессмертить»²², или описание французских и испанских придворных, прибывших на церемонию бракосочетания Людовика XIV и Марии-Терезы (II, 144). Указывая на эти и другие пропуски, Мадемуазель дает понять, что исторические сочинения содержат широко известную информацию, тогда как она запечатлевает то особенное и ценное, что сохранила только ее память.

Собственные воспоминания являются главным и единственным основанием достоверности мемуаров герцогини. Она выражает надежду на то, что «счастливая память, которой наделил Бог, не позволит ускользнуть тому, что [она – С.П.] знает» (II, 21). Особе ее высокого ранга указаний на прекрасные свойства памяти²³ достаточно для подтверждения правдивости рассказа. В отличие от большинства мемуаристов, Мадемуазель не настаивает на своей искренности и подчеркивает только свойства памяти. В случае с принцессой крови достоверность ее свидетельства просто не может быть поставлена под сомнение, так же как и другие благородные качества членов королевской династии. Память позволяет герцогине довольно подробно воспроизводить прошлое, но по мере работы над рукописью (напомним, что мемуары создавались около сорока лет) она постепенно теряет интерес к происходящему при дворе. Мадемуазель сосредотачивается на своих драматических взаимоотношениях с графом де Лозеном и все меньше

²² Montpensier A.-M.-L.-H. d'Orléans. Mémoires. Paris: Librairie Fontaine éd., 1985. Т. I. P. 63. Здесь и далее мемуары Мадемуазель, не переведенные на русский язык, цитируются по этому изданию с указанием номера тома и страницы в скобках.

²³ О своей хорошей памяти Мадемуазель пишет не только в мемуарах, но и в автопортрете 1659 г.: Montpensier A.-M.-L.-H. d'Orléans. Divers portraits. Caen, 1659. P. 35–36.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

заботится о том, что пропускает какие-то факты или излагает их непоследовательно. Мемуаристка даже позволяет себе повторы (II, 388; II, 451) и начинает жаловаться на память, подточенную перенесенными страданиями: «Совершенно точно, что постоянная немилость и причиняемые ею печали способны ослабить память, какой бы хорошей она ни была <...>» (I, 370). На последних страницах мемуаров заметно возрастает число фраз, в которых речь идет о ненадежной работе памяти («в это время произошло столько всего, что я уже точно не помню» II, 295; «я забыла тысячу вещей, о которых вспоминаю сейчас» II, 381; «я забыла (и я часто говорила об этом, хотя не очень-то прилично об этом часто повторять <...>)» II, 441 и т.д.).

Мемуары показывают, что память герцогини прочно хранит наиболее важные для ее жизни события – фрондерство и любовь к графу де Лозену. Им отводится значительная часть повествования, в общей сложности почти половина общего объема, что приводит к их детальному воспроизведению, затрагивающему не только внешние перипетии, но также реакции Мадемуазель на происходящее и осмысление изображаемого как в прошлом, так и в акте письма. Эти два основных сюжета встраиваются в общую повествовательную канву, состоящую из множества характерных событий, таких как придворные праздники, поездки в свите Людовика XIV по Франции, общение с членами королевской семьи, прием иностранных гостей, разнообразные формы досуга и т.д. Мадемуазель включает в мемуары и яркие события, носящие сугубо индивидуальный характер и построенные по принципу живой, эмоционально воссозданной сцены. Показательный пример – детское воспоминание о встрече с отцом в замке Шамбор или рассказ о роковом разговоре с королем, лишившем ее надежды на брак с де Лозеном.

Драматическая история любви герцогини может быть охарактеризована и как переломное событие, поскольку мемуаристка фиксирует внутренние изменения, произошедшие с нею после разрыва с возлюбленным. Они проявились в том, что

со временем Мадемуазель потеряла интерес к придворной жизни, хотя и продолжала выполнять привычные обязанности, стала тяготеть к одиночеству и духовным исканиям. Приведем лишь одно ее показательное суждение о смысле прожитой жизни: «<...> будучи рожденной со всем тем, что только можно иметь, и со всеми преимуществами, которые даровал мне Бог, я была так несчастна всю свою жизнь, и мне довелось узнать благодаря этому, что настоящий покой только в том, чтобы служить ему и служить по-настоящему <...> я стараюсь этого достичь и терпеливо сносить тревоги, которые он посылал мне до сих пор» (II, 245). Отбор и группировка воспоминаний в последние годы работы над рукописью отразили перемены во внутреннем мире мемуаристки, приведшие к достойному приятию своей судьбы. Такой выбор вписывался в изначально задуманный образ великой принцессы и давал возможность герцогине, несмотря на крушение ее придворных и матримониальных планов, поддержать посредством мемуаротворчества представление о собственной идентичности.

Автобиографическая память кардинала де Реца также связана с процессом создания мемуаров и его отношением к большой истории. Последнее обозначается более развернуто, чем у Мадемуазель, и варьируется от милостивого снисхождения до открытого презрения к кабинетным ученым. Он удивляется «самонадеянности жалких историографов, почитающих для себя зазорным, если в их трудах остается хоть одно событие, которого они не развели бы тайные пружины, отлаживая и сверяя их почти всегда по школярным часам»²⁴. Мемуарист убежден, что «историки, пишущие о делах, в которых сами они не участвовали, заблуждаются столь часто» (449), поскольку «рассказ, составленный на основании бумаг, пусть даже несо-

²⁴ Кардинал де Рец. Мемуары / Пер. Ю.Я. Яхниной. М.: Ладомир, Наука, 1997. С. 357. Цитаты из мемуаров кардинала де Реца, за исключением отдельно оговоренного случая, приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

мнительных, столь же отличен от воспоминаний очевидца, сколь портрет, созданный по чужим впечатлениям, разнится от полотна, писанного с оригинала» (483). По мнению кардинала, полноту исторической картины могут обеспечить только люди, «сами причастные к ее тайнам и потому способные подняться над мелким тщеславием вздорных писак, которые, будучи рождены на задворках и ни разу не допущенные в переднюю, похваляются тем, будто им известно все, что происходит в кабинетах» (361). В суждениях де Реца ярко проявляется психология аристократического сословия. Горделивое осознание разницы между великими людьми, творящими историю, и теми, кто способен лишь подчиняться и выполнять их волю, в том числе, описывая славные деяния, приводит к высокомерно-оскорбительным оценкам в адрес историков. Для него они «самонадеянные простофили» (492). Кардинала «изумляет наглость людишек во всех отношениях ничтожных» и сочинений «писанных, этими угодливыми и продажными душонками», которых он вслед за принцем Конде называет пигмеями (361).

Для мемуариста на первом плане оказывается сопричастность истории. Отсюда его представление о личном свидетельстве как наиболее весомом аргументе в определении исторической правды. Вот почему он подчеркивает, что при создании мемуаров «полагался лишь на то, чему был очевидцем» (205) и с «великой неохотой» опирался «на чужие воспоминания» (502). Хотя кардинал убежден, что достоверность представленных им сведений в первую очередь обеспечивается прямым участием в событиях, он все же считает нужным привести дополнительные доказательства. Учитывая, что временной зазор в двадцать пять лет между последними из описанных фактов и моментом их фиксации может вызвать сомнения в верности его мемуаров, он указывает на документы, которыми пользовался: записи заседаний парламента и сохранившиеся письма. Однако исследователями установлено, что парламентские материалы де Рец использовал лишь для поддержания общей повест-

вательной канвы²⁵, а подлинность эпистолярных источников может быть поставлена под сомнение, поскольку большая часть его личного архива была конфискована в 1653 году. Следовательно, настоящей и главной опорой для кардинала была его память.

Обратим внимание, что де Рецу важно показать ее взаимосвязь со своими благородными намерениями. В его сочинении звучит характерный для мемуаристики мотив искренности воспоминаний. Уже в первом абзаце он обещает вести рассказ «чистосердечно и без уверток» (7), а чуть ниже солидаризуется с мнением президента де Ту, автора высоко ценимых им мемуаров, что «верить можно лишь историям, написанным людьми, у которых достало искренности говорить правду о самих себе» (32). О нацеленности кардинала на чистосердечное повествование свидетельствует высокая частотность употребления слова «правда/ истина» («la vérité»/ «le vrai») и связанных с ним по смыслу выражений («сказать правду», «по правде говоря» / «dire la vérité», «dire le vrai» и др.)²⁶. Искренность преподносится им как гарантия правдивости, однако уже исследователи XIX века упрекали мемуариста в отступлении от исторических фактов²⁷, а современные французские литературоведы проанализировали многочисленные неточности, умолчания, сознательные искажения истины²⁸. Как и другие

²⁵ Bertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 238.

²⁶ Cardinal de Retz. Mémoires. Paris: Gallimard, 2003. P. 172, 175, 189, 199, 204, 221, 238, 307, 421, 475, 717, 863, 963 и т.д. Цитаты приводятся по оригинальному изданию, так как в русском переводе лексическая точность сохраняется не всегда, а используются синонимы.

²⁷ Topin M. Le Cardinal de Retz: son génie et ses écrits. Paris: Didier, 1872. P. 41; Chantelauze R. Le cardinal de Retz et l'affaire du chapeau. Etude historique, suivie des correspondances inédites de Retz, Mazarin ect. Paris: Didier, 1877. En 2 vol. Vol. 1. P. 100, 196, 319–321 etc.

²⁸ Carrier H. Sincérité et création littéraire dans les «Mémoires» du Cardinal de Retz // XVIIe siècle. 1971. № 94-95. P. 40-74; Bertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

мемуаристы, де Рец использует ресурсы памяти выборочно и включает в повествование то, что соответствует его представлению о прошлом, не говоря о естественной для всякого человека забывчивости. Отличает кардинала мастерское умение творчески преображать воспоминания. Как верно пишет Ю. Карье, «если искренность была не очень свойственна Рецу-человеку, то в Реце-художнике она очевидна, и эта правда художника служит истории, потому что она воссоздает жизнь лучше, чем любой документ»²⁹. Память кардинала оказалась не вполне надежным основанием для создания фактически точной исторической картины, но, став источником творческого воображения, все же позволила ему запечатлеть достоверный образ прошлого.

События минувших дней, имеющие историческое значение, осмысливаются кардиналом де Рецем как часть его биографии. Мемуарист признается, что искал способа размежевать свою историю и значительные происшествия, к которым был причастен, но «не сумел этого сделать» (502). Прежде всего это касается гражданского противостояния середины XVII века, в ходе которого он принимал активное участие в парламентских заседаниях и придворных интригах, выступал одним из предводителей фрондеров, способных повлиять как на представителей королевской семьи и иностранных держав, так и на народ. Повествование о Фронде включает яркие и характерные эпизоды, соотносимые с соответствующими типами событий. На фоне рассказов о регулярных выступлениях де Реца на заседаниях парламента, о нескольких тайных встречах с королевой Анной Австрийской, о постоянных переговорах с политическими противниками выделяются воспоминания, построенные по принципу целостной сюжетно-

динамической ситуации. Среди таковых его действия, направленные на усмирение взбунтовавшегося народа после ареста Брюсселя и Бланмениля, или стычка в парламентском дворце со сторонниками принца Конде, чуть было не окончившаяся гибелью будущего кардинала. К числу наиболее важных событий, сохранившихся в автобиографической памяти и отраженных в мемуарах, можно отнести его назначение коадьютором Парижа, получение кардинальской шапки и побег из тюрьмы. Де Рец описывает результаты и последствия этих событий, пытаясь осмыслить их влияние на свою дальнейшую жизнь.

Его сочинение наглядно показывает, что в мемуарах с автобиографической доминантой историческая правда отходит на второй план перед правдой внутренней, связанной с представлением автора о самом себе. Как и Мадемуазель, кардинал повествует о прошлом в соответствии с «я-концепцией». Она отражается в образе деятельного, благородного, умного, талантливого человека, преданного интересам Франции, способного на многое и действовавшего в соответствии со своими грандиозными планами, реализации которых помешали лишь неблагоприятные обстоятельства. Де Рец пишет мемуары на седьмом десятке жизни, в тот период, когда вынужденно отходит от дел, продолжая оставаться в сложных отношениях с французским двором и папским престолом. Тяжесть его положения, не ослабевшая с годами, может быть проиллюстрирована характеристикой, данной на одной из последних страниц мемуаров: «<...> я был изгнанником, в опале у своего Короля, я был в немилости у папы. На доходы моего архиепископства и на все мои бенифиции был наложен секвестр. Всем французским банкирам особым приказанием запрещено было ссужать меня деньгами <...>» (632).

Воспоминания помогают кардиналу мысленно вернуться ко времени своего успеха, продлить ощущение жизненной активности, «высветить самые славные победы, те, что совершены артистом в самом рискованном жанре, жанре дей-

Thèse présenté devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 267–322.

²⁹ Carrier H. Sincérité et création littéraire dans les «Mémoires» du Cardinal de Retz // XVIIe siècle. 1971. № 94–95. P. 73.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

ствия»³⁰. При этом он не столько стремится к реваншу над противниками и обращается к потомкам, вскрывая мало известные факты или тайные причины поступков, сколько подводит итог прожитой жизни. Согласимся с А. Бертьером, крупнейшим французским специалистом по Рецу, что мемуарист, зная свои недостатки и просчеты, «мало склонен к тому, чтобы отречься от себя <...> он ищет и находит в своем прошлом, чем подпитывать свой образ, за который ему не стыдно. «Мемуары» в гораздо большей степени являются самоутверждением, чем самооправданием»³¹. Вспоминая свою жизнь в водовороте бурных исторических событий, кардинал как бы пытается охватить ее целиком, самому себе ответить «на вопросы, которые в экзистенциальном плане каждый принужден задавать. Не о том, “что я сделал?”, но “кем я был?” и “имела ли моя жизнь смысл?”»³².

Включенный в мемуары биографический материал, даже с учетом сознательной авторской установки на изображение самого себя в выгодном свете, показывает, что полного удовлетворения от прожитой жизни кардинал испытать не мог. Если несколько перефразировать мысль М. Эрсана, проанализировавшего героические действия коадьютора Парижа в День баррикад, то можно заключить, что, хотя некоторые эпизоды, взятые изолированно, демонстрируют его триумф, мемуары в целом оставляют ощущение поражения³³. Автобио-

графическая память не дала де Рецу желаемых результатов в плане психологическом, зато стала важным основанием для его творческой самореализации. В процессе создания мемуаров он проявил себя в качестве своеобразного режиссера-постановщика тех драматических эпизодов прошлого, в которых неизменно выступал главным героем. Пусть в качестве реального участника исторических событий кардинал далеко не всегда оказывался в выигрыше, но как герой, а главное, творец одного из самых известных в истории литературы мемуарных произведений он вполне компенсировал свой неуспех.

Автобиографическая память, понимаемая как «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути»³⁴, определяет разное содержательное и смысловое наполнение мемуаров кардинала де Реца и Мадемуазель де Монпансье. Но в их произведениях, как уже отмечалось выше, возникают переключки, predetermined обращения к конкретному историческому периоду – середине XVII века. Отсюда описание одних и тех же событий (ситуации в Орлеане в марте 1652 года, пожара в Ратуше и т.д.) или людей (Анны Австрийской, Гастона Орлеанского, принца Конде, Кристины Шведской, Мазарини и др.). С точки зрения структуры автобиографической памяти, эти очевидные связи представляются нам менее значимыми, чем более глубинные, определяемые принадлежностью мемуаристов к одному социальному кругу и поколению. Им были свойственны характерные для французских аристократов этические ценности, которые авторы стремились акцентировать, рассказывая о своей жизни. Среди таковых честь, преданность интересам короля и государства, верность долгу, благородство, достоинство, отвага, презрение к опасности. Кроме того, эстетические вкусы герцогини и кардинала, сложившиеся

³⁰ Fumaroli M. *Retz: des Mémoires en forme de conversation galante // La diplomatie de l'esprit. De Montaigne à La Fontaine*. P.: Seuil, 1994. P. 257.

³¹ Bertièrre A. *Le cardinal de Retz mémorialiste*. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 320.

³² Bertièrre A. *Le cardinal de Retz mémorialiste*. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 319.

³³ Hersant M. La «Journée des barricades» (27 août 1648) dans les *Mémoires de Retz: L'histoire comme expansion du «moi» // Nouveaux regards sur les Mémoires du Cardinal de Retz*. Acte du colloque organisé par l'Université de Nantes,

Château des Ducs de Bretagne, 18 et 18 janvier 2008 // *Bibliothèque* 17. 2011. № 196. P. 113–122.

³⁴ Нуркова В.В. *Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности*. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 19.

Светлана Юрьевна ПАВЛОВА / Svetlana PAVLOVA

**| Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца /
Autobiographical Memory in Memoirs of Mademoiselle de Montpensier and Cardinal de Retz |**

в первой половине XVII века, определили общие для мемуаристов повествовательные матрицы, использованные ими при построении автобиографического образа. Обозначим их тезисно, поскольку эта тема заслуживает специального рассмотрения.

Культура эпохи отразила и одновременно сформировала две основные поведенческие модели – героическую и галантную. Свойственная французским аристократам идея верности высоким идеалам и славных подвигов во имя короля нашла достойное воплощение в литературе становящегося абсолютистского государства, но особенно показательно – в героическом театре Пьера Корнеля. Показательно, что имя драматурга упоминают и даже цитируют его строки и Мадемуазель (I, 293, II, 247), и кардинал де Рец (234, 547). В моменты, связанные с риском, опасностью или принятием важных решений, оба изображают свое поведение в героическом ореоле, отсылающем к античным образам и корнелевским героям. Так, Мадемуазель действует решительно и смело при въезде в Орлеан, ведомая своим пониманием долга перед отцом и короной. Кардинал де Рец проявляет не меньше отваги в День баррикад, в речах, произносимых в парламенте, в своих многочисленных дуэлях по вопросам чести. Влияние на мемуаристов оказывает и галантная культура. У герцогини де Монпансье это проявляется в значимости любовно-брачного сюжета, использовании характерных для галантной литературы мотивов (любовного послания, словесной игры, ухаживания) и аллюзиях на роман Оноре д'Юрфе «Астрея». Кардинал де Рец

также уделяет большое внимание любовным историям, причем не только чужим, но и своим, трактуя их соответственно галантной морали. Но еще более значимо, что мемуарист строит повествование в стиле галантной беседы, практиковавшемся в салонном общении и отраженном в романах, в частности, Мадлены де Скюдери. Он создает иллюзию непринужденного разговора с адресатом, проявляя заботу о занимательности и разнообразии рассказа.

Таким образом, содержание и способы использования ресурсов автобиографической памяти в процессе мемуарного повествования оказали большое влияние на самосознание авторов. В случае с Мадемуазель воспоминание превратилось в своеобразную терапию от драматических ударов судьбы и помогло сохранить ощущение достойного поведения перед лицом жизненных невзгод. Для де Реца обращение к прошлому стало главным источником творчества, сохранив его имя в качестве участника исторических событий, но главное, талантливое художника слова. Автобиографическая память позволила мемуаристам запечатлеть во многом уникальные моменты истории, а также соединить в повествовании о своей жизни сугубо индивидуальные и характерные для эпохи особенности мировосприятия. Они показывают, что специфика автобиографизма в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца определялась не только перипетиями их судьбы, но историческим контекстом, принадлежностью к аристократическому сословию, влиянием галантно-героической культуры.

